

Frank Ruda, *Hegel's Rabble: An Investigation into Hegel's Philosophy of Right*

London: Continuum, 2011, 218pp., ISBN 978-1441156938

Рецензент — Сёрен Розендаль
Университет Орхуса

Лучшими и наиболее точными философскими комментариями редко бывают те, в которых практикуется «взгляд-из-ниоткуда» и предпринимается попытка дать общий и «нейтральный» анализ оригинального текста. Чаще всего в таких работах предмет рассматривается в весьма специальном аспекте, в них формируется повестка, связанная с текстом за пределами ограниченного исторического контекста. Книга Франка Руды «Гегелевская чернь» представляет собой образец именно такого типа комментария: гегелевская философия рассматривается через призму понятия «чернь» и исследуется резонанс, которым чревато такое переосмысление для «Философии права» и за ее пределами. Подход Руды крайне продуктивен в силу того, что он предполагает, скорее, реанимацию текста, нежели простое и исключительное его перетолкование. *Pöbel*, или «чернь», может быть условно определена так, как Гегель это делает в §244 «Философии права»: обездоленная нищета в сочетании с негативной установкой, которая отмежевывает этот «класс» от сферы права так, что он отделяется от общества и впадает в состояние бездействия.

Длинные, искусно вытканные в двенадцати тесно сплетенных главах нити аргументации и сеть ассоциаций ведут через черные ходы и известные пути исследования гегелевской системы, обнаруживая неожиданные связи, выводящие на совсем негегелевскую территорию. Подобный подход обоснован тем, что чернь представляет собой ту точку системы, которая грозит взорвать ее изнутри или, по крайней мере, служит ее раздражителем, так что для исследования черни в гегелевском смысле, необходимо выйти за пределы Гегеля. В этом и состоит главный методологический подход всей книги.

В прочтении Франка Руды, чернь — не просто незначительная проблема отдельной части специального раздела гегелевской политической философии, она являет собой «фундаментальную провокацию философии со стороны политики» (4). Это ведет к тому, что фе-

номен черни заставляет философию переосмыслить собственную основополагающую логику. Он представляет негативный «опыт» в гегелевском смысле этого слова, коллапс фундаментального критерия истины или различия. Классические политико-философские концепты равенства, справедливости и свободы необходимо переосмыслить в свете или, напротив, в тени черни. Такие понятия, как необходимость и случайность, и особенно центральная для Гегеля оппозиция между определенностью и неопределенностью, тоже оказываются поставленными на карту.

Отправная точка для рассуждений Руды — признание Гегелем того, что гражданское общество по необходимости, в силу собственной внутренней динамики производит нищету. Вкратце проект Руды можно представить как описание процесса дезинтеграции, при котором этот побочный продукт гражданского общества попадает в зону полной социально-политической неопределенности, а также описание последствий и возможностей, которые этим процессом порождаются. Сильной стороной работы является четко обосновываемое утверждение, что чернь представляет собой переориентацию, фундаментальную для постгегелевского мышления. Вначале Руда сосредотачивается на «структурной неразрешимости» (31) проблемы бедности в рамках гражданского общества — трудность, у Гегеля описанная, но разрешения не получившая. Возникновение черни характеризуется почти исключительно негативно как «ничто, всплывающее на поверхности гражданского общества» (32), но благодаря одному только существованию как «ничто» (не принадлежащему к сословию, не представленному политически, не принимающему участия в социальных институтах и т. д.) чернь представляет собой и возможность трансформации. Смысл заключается не в поиске «решения» проблемы черни или ее нейтрализации посредством реорганизации общества, но в утверждении черни как точки политической (и философской) трансформации. Чтобы выяснить последствия тупика, образованного самим феноменом и понятием черни, Руда явно и неявно соотносит нерешенные проблемы философии Гегеля с теоретической доктриной Алена Бадью (кроме того, в работе звучат отголоски влияния Жака Рансьера и Славоя Жижека, последний даже написал предисловие к книге).

Для возникновения черни нужно нечто большее, чем просто нищета. Необходимо обладать набором установок, посредством которых чернь постепенно отмежевывает себя от общества: она отказывается обеспечивать свое собственное существование, не состоит в сословиях, не стремится к сотрудничеству, не видит рациональности в бюрократической государственной машине, испытывает возмущение, негодование и т. д. Удивительно, но чернь не обязательно бедна, поскольку процесс отмежевания может происходить не только на самой нижней ступени, но и в высших стратах обще-

ства. Последняя являет собой «роскошный сброд», воплощенный в собирательном образе афериста, игнорирующего все возможности, предлагаемые обществом, и эксплуатирующего его врожденные патологии для быстрого обогащения (или быстрого разорения) — возможности, извлекаемые из контингентной «игры» в «гражданском обществе». Социум, так сказать, распадается с двух сторон. Это асоциальные продукты социального порядка, не интегрированные ни в сферу права, ни в сферу обязанностей. Один из наиболее любопытных разделов книги посвящен как раз прочтению гегелевского анализа противопоставления нищенствующего сброда как *необходимой возможности* (каждый латентно беден, поскольку нищета производится обществом по необходимости, а значит каждый — латентная чернь) и богатой черни как *контингентной возможности* (или игры со случайностями рынка для производства условного богатства). Эти возможности, структурируя гражданское общество, одновременно открывают вероятность реализации врожденных патологий, эти процессы не могут быть разделены, поскольку определяют друг друга.

По ходу книги Руда постепенно концентрирует внимание на процессе, отделяющем чернь от всех связей с «нравственной общностью», обществом в целом и государством. В этом отмежевании проявляется описываемое Рудой *право без права* — что означает настойчивое требование права без участия в его институтах. Лишение или отмежевание, провоцирующее возникновение черни, обнажает фундаментальное и универсальное измерение политики: в некотором смысле абсолютная чернь — это нулевой уровень политики, поскольку все члены общества латентно ей являются. Чернь — не только конкретный (исключенный) класс внутри общества, но абсолютная неопределенность, на которую (всегда уже) опирается любая социально-политическая определенность. Ее «присутствие», таким образом, понимается только задним числом как последствие дезинтеграции, присущей «гражданскому обществу». Чернь не может быть учтена непосредственно, поскольку действует «ниже» уровня официальной политической репрезентации. Здесь мы оказываемся на территории «пустоты» по Бадью (Бадью 2005: 31–69): то, что изымается из всякой презентации («считается-как-одно»; *the-count-as-one*) и потому присутствует только как отсутствующее, но основополагающее, поскольку все презентации являются презентациями пустоты. Это нечто вроде несубстанциальной универсальности, поскольку всякий способен превратиться в чернь (в современном обществе возможность стать чернью — это единственное, что доступно всем). У Руды теряющая привычку к деятельности и впадающая в инертное состояние чернь напоминает агамбеново понятие «импотенциальность» (1999: 177–184) — она полностью изымает себя из актуализации, по-прежнему *будучи здесь, будучи ничем*.

Процесс неопределения и отмежевания, «абсолютное отрицание любых определений» (163) того, что и *есть* чернь, описан несколькими различными способами, автор умело движется среди метафор и концептов гегелевского текста, при этом постоянно и новаторски соотнося их с работами упомянутых современных мыслителей, так что обе эти стороны предстают в новом свете. Центральная тема книги — неопределенность черни. И именно эта неопределенность порождает интереснейшие вопросы, которые мне хотелось бы затронуть.

На мой взгляд, можно сказать, что Гегель весьма критично относился к чистой неопределенности, и сам Руда напрямую говорит о том, что такая неопределенность выходит *за пределы* и даже выступает *против* гегелевской философии, но стоит задаться вопросом: в каком смысле чернь является абсолютной или чистой неопределенностью? Для Гегеля чистая неопределенность может «существовать» только как деструктивный процесс отрицания: не-это, не-это, не-это и т. д., так же как и в терроре, последовавшем за Французской революцией, гильотина стала машиной для искоренения определенности и всех, кто дерзнет дать определение тому, что на самом деле представляет собой абстрактная всеобщая свобода. Близка ли этому негативному процессу чистая неопределенность черни Руды? В одном месте он пишет: «Появление черни — это ее исчезновение» (132), что, кажется, противоречит недиалектическому характеру «абсолютной черни». И разве не определяется чернь, к примеру, выражением требования *права без права*? Возможно, «ничто», которым является чернь, должно быть понято только как «ничто» с точки зрения социально-политического порядка, как «ничто», представляющее истину, лежащую в основе порядка, которую сам он не может (себе) представить?

Еще один вопрос касается статуса *права без права*, особенно в свете равенства. В том случае, если это «право», сформулированное вне сферы права, требует равенства и справедливости, основанных на признании того, что каждый обладает универсальной возможностью стать чернью, то можно ли сказать, что речь идет о равенстве (возможности) всеобщей нужды? Чернью «Гегель называет возникновение неопределенности, разлагающей государство» (164), и, таким образом, чернь — это имя для всеобщей декомпозиции, распада в скрепляющей основе общества. Но не оказывается ли самый фундаментальный уровень всегда в то же время и самым размытым (этот вопрос мог бы быть адресован и Бадью)? Какую *позитивную* политическую силу можно получить из заявления, что все мы равны в силу своей латентной нищеты? Может ли чистое и «невозможное» требование всеобщего равенства и справедливости как точка политической трансформации быть основано только на неопределенности и распаде? Все это ведет к некоторому смещению взглядов авто-

ра на последних страницах книги, где «ничто» в некотором роде становится «всем»: определение человека и состоит в том, чтобы не иметь никакого первоначального определения — именно так Руда интерпретирует марксов термин *Gattungswesen* («родовая сущность человека»); человек может стать чем угодно и всем сразу в рамках «всеобщего производства». Неясным остается лишь то, *каким образом возможно* само это переопределение абсолютно неопределенного человека.

Несмотря на, казалось бы, узкий ракурс «Гегелевской черни», в ней обсуждается вся «Философия права» и основные аспекты «Философии духа» — причем в необычайно насыщенном изложении, весьма подробном, без особых усилий позволяющем автору преодолеть границы между комментарием и оригинальной философской работой. Важная, знаковая книга Франка Руды, отличающаяся продуманной и смелой аргументацией, настоятельно рекомендуется не только тем, кто интересуется Гегелем, но и более широкой аудитории — всем тем, кто интересуется современной политикой и философией.

Перев. с англ. Ксении Устримовой

Библиография

- Agamben, Giorgio (1999). *Potentialities*. Stanford: Stanford University Press.
- Badiou, Alan (2005). *Being and Event*. London: Continuum.
- Hegel, G. W. F. (2008). *Outlines of the Philosophy of Right*. Ed. Stephen Houlgate, trans. T. M. Knox. Oxford: Oxford University Press.
- Hegel, G. W. F. (2010). *Philosophy of Mind*. Ed. Michael Inwood, trans. W. Wallace and A. V. Miller. Oxford: Oxford University Press.